

ОППОЗИЦИЯ «ЗДЕСЬ – ТАМ» В ПОЭЗИИ И. АННЕНСКОГО

Н.В. Дудорова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

В статье рассматривается функционирование местоименных наречий синонимико-антонимического комплекса «Здесь – Там» в поэзии И. Анненского, выявляются текстовые функции наречий в формировании разных типов художественного пространства, их соотносительность с временными координатами текста, а также выявлены регулярные модели пространства, к которым относятся рассматриваемые дейктические наречия. Анализ показал, что местоименные наречия, входящие в САК «Здесь – Там» в поэзии И. Анненского, играют значительную роль в формировании пространственного фрагмента индивидуально-авторской картины мира; они активно формируют реальное (по горизонтальной и вертикальной оси), точечное (с доминирующим образом комнаты и окном как пространством перехода), фантастическое (с доминирующими пространствами сна и загробной жизни) и психологическое (с доминирующим пространством воспоминания) пространство, указывают на их соотносительность и пространственную ориентацию субъекта.

Ключевые слова: оппозитивные смыслы, лингвистика текста, поэтический текст, И. Анненский, местоименные наречия.

Языковые средства разных уровней в процессе функционирования в поэтическом тексте создают новую художественную реальность, непосредственно связанную с категорией пространства. Пространство как когнитивная категория представляет эстетически переосмысленный, трансформированный образ действительности, появившийся в результате процессов концептуализации и категоризации, отражающий как общие, так и индивидуально-авторские закономерности восприятия, понимания и представления мира. Итогом этого процесса становится индивидуально-авторская пространственная картина мира, описание и реконструкция фрагмента которой и явились объектом исследования в настоящей статье.

Локализация в пространстве представляет собой определенное соотношение субъекта, объекта и действия в сфере реального мира, однако в художественном (особенно поэтическом) тексте подобная соотносительность возникает и применительно к другим типам пространств. По замечанию Е.С. Кубряковой, «в координатах пространства и времени нами воспринимается все сущее, все доступное нашему уму и нашему истолкованию, все презентуемое нашему сознанию и репрезентируемое в нем, осмысляется в этих координатах, т. е. имеет некие пространственные и / или временные характеристики» [4]. Локализация осуществляется с помощью лексических маркеров на основе базовых параметров: близко / далеко, верх / низ, снаружи / внутри и т. д. По словам В.Г. Гака, пространство «организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [3]. Рассмотрение дейктических наречий в поэтическом тексте позволяет установить устойчивые закономерности использования синсемантических лексем как в соотношении с лирическим субъектом и его положением в основных координатах, так и с разными типами художественного пространства/времени, на которые эти лексемы указывают.

Объектом исследования настоящей статьи стал синонимико-антонимический комплекс («совокупность лексем – антонимов и синонимов, относящихся к одной смысловой группе, организованной на основе антонимических оппозиций, включающих в свой состав синонимические ряды» [1], далее – САК) местоименных наречий «Здесь – Там»:

здесь	там
тут	туда
сюда	оттуда
отсюда	

Статистика употреблений членов САК в поэзии И. Анненского (сборники «Тихие песни», «Кипарисовый ларец»), а также стихотворения, не вошедшие в сборники) представлена в таблице:

Таблица

Всего текстов	Выявлено контекстов	Местоименные наречия							
		здесь	тут	сюда	там	туда	оттуда	отсюда	соч. нар.
253	101	13	6	1	69	5	–	–	7

Соотношение количества текстов и выявленных контекстов свидетельствует о частотности использования наречий рассматриваемой САК (40% текстов), а также о количественном преобладании употреблений лексемы «там». Отметим незначительное количество контекстов с лексемой «туда», единичный контекст с лексемой «сюда» и отсутствие лексем «оттуда» и «отсюда», сочетающих в себе наречную семантику с семантикой движения, перемещения между близкой и дальней зонами лирического субъекта; это свидетельствует об определенной замкнутости пространств «здесь» и «там», их непроницаемости.

Обращение к словарным дефинициям САК «Здесь – Там» показывает, что, во-первых, данные местоименные наречия не имеют четкого денотата (о чем свидетельствует преобладание в словарных дефинициях указательных местоимений (тот, этот) и отсутствие компонентов с семантикой определенности), такая семантическая особенность обуславливает высокую степень контекстной зависимости денотата; во-вторых, данные лексемы могут иметь как пространственное, так и временное значение (о чем свидетельствует употребление в словарной дефиниции «в это время» и «потом, затем», носящего характер указания на время).

Лексемы, входящие в рассматриваемый САК, участвуют в формировании нескольких типов художественного пространства в поэзии И. Анненского; при анализе мы опираемся на классификацию, предложенную Л.Г. Бабенко, то есть выделяем следующие типы художественного пространства: психологическое (замкнутое в субъекте) пространство; близкое к реальному географическое; точечное, внутренне ограниченное пространство; фантастическое пространство; космическое пространство; психологическое пространство; социальное пространство субъекта-деятеля [2].

Рассмотрим текстовые функции, которые выполняют члены САК «Здесь – Там» в поэзии И. Анненского.

1. Формирование близкого к реальному географического пространства, лирический субъект и субъекты действия – реальные лица/предметы; окружающие предметы имеют физические характеристики, совпадающие с реальными; наречия соотносят лирический субъект, предметные заполнители и пространства по двум осям:

а) по горизонтальной оси члены САК маркируют:

– обозримое, но отдаленное от субъекта пространство, как правило, в художественном мире И. Анненского – это пространство сада: *И если чуткий сон аллея / Встревожит месяц серебрукий, / Всю ночь потом уста лилей / Там дышат ладаном разлуки (Лилии); Позади лишь вымершая дача... / Желтая и скользкая... С балкона / Холст повис, ненужный там... но спешно, / Оборвав, сломали георгины (Баллада); сад предстает также местом пребывания лирического субъекта: Как*

странно слиты сад и твердь / Своим безмолвием суровым, / Как ночь напоминает смерть / Всем, даже выцветшим покровом. / А все ведь только что сейчас / Лазурно было здесь, что нужды? / О тени, я не знаю вас, / Вы так глубоко сердцу чужды (Nox vitae); За тобой в пустынные покои / Не сойдут алмазные огни, / Для тебя душистые левкой / Здесь ковром раскинулись одни (Стансы ночи); С минутным шумом по ветвям ворона, / Да где-то там далеко прокричит / Петух, на запад солнце провожая, / И снова смолкнет все (Как я любил от городского шума...);

– необозримое, отдаленное пространство, пространство гипотетического действия: *Но лишь издали услышал я ее ответ: / «Если любишь, так и сам отыщешь след, / Где над омутом синее тонкий лед, / Там часочек погощу я, кончив лет» (Сиреневая мгла);*

б) по вертикальной оси оппозиция «Здесь – Там» представлена вариантами:

– земное пространство – космическое пространство, эта оппозиция создается в текстах посредством номинации только второго члена оппозиции, так как земное пространство является отправной дейктической точкой для ориентации говорящего (в силу антропоцентричности текста). Космическое пространство представлено как прямой номинацией (*А вот и вихрь, и помутнение, / И духота, и сизый пар... / Минута – с неба наводнение; / Еще минута – там пожар (Майская гроза)*), так и посредством указания на предметные заполнители: небесные светила *Солнца в высях нету. / Дымно там и бледно, / А уж близко где-то / Луч горит победный (Дымные тучи)*, тучи (*Еще горят лучи под сводами дорог, / Но там, между ветвей, все глуше и немее: / Так улыбается бледнеющий игрок, / Ударов жребия считать уже не смея (Август)*), облака *Я любить бы их [облака] вечер хотел, / Когда, рдея, там гаснут лучи, / Но от жертвы их розовых тел / Только пепел мне снится в ночи (Тринадцать строк)*; а также текстовыми средствами, позволяющими описать ситуации грозы при помощи ассоциативных связей (*лазурь – небо, лучи – солнце*), метафорического образа (*зыби златошвейные – поля*) и эллиптической конструкции со значением интенсивного действия (*Все, что есть лазурного, / Излилось в лучах / На зыби златошвейные, / Все, что там безбурного / И с ласкою в очах, – / В сады зеленовейные (Госка отшумевшей грозы)*);

– земное пространство – водное пространство, связанное с образом дна водоема (*Тут не рыбы-то по заводям хоронятся, / Да не птицы-то уходят во поднебесье, / Во темных лесах не звери затулились (Рождение и смерть поэта); Но чтоб уйти, как в лоно вод / В тумане камень упадет, / Себе лишь тягостным паденьем / Туда, на дно, к другим камням (Три слова)*). В стихотворении «Я на дне» данная оппозиция расширяется до пространственной триады: небо (космическое про-

странство) – земля (соотносимая с поверхностью водоёма) – дно: *Я на дне, я печальный обломок, / Надо мной зеленеет вода. / Из тяжёлых стеклянных потемок / Нет путей никому, никуда... / Помню небо, зигзаги полета, / Белый мрамор, под ним водоём, / Помню дым от струи водомёта, / Весь изнизанный синим огнем. / Если же верить тем шепотам бредя, / Что томят мой постылый покой, / Там тоскует по мне Андромеда / С искалеченной белой рукой.* Лирический субъект отождествляет себя с конкретным предметом мира реального – с обломком статуи, его отдаленность (обломок) и отдаленность (там) от Андромеды подчеркивает трагическое одиночество субъекта. Подводное пространство представляется непроницаемым, границы его непреодолимы (нет путей никому, никуда), а пространство неба и фонтана (водоём) остаются только в воспоминаниях.

Еще одним вариантом оппозиции является земное пространство – глубина, представляемая как толща воды: *И тицетно вихри по тебе / Роятся с яростью звериной, / Все безучастней к их борьбе / Твои тяжёлые глубины. / Тоска ли там или любовь, / Но бурям чуждые безмолвны, / И к нам из емких берегов / Уйти твои не властны волны* (Черное море); оппозитивность создается наречием там и маркером субъекта (к нам), совмещенным с указанием на местоположения субъекта (из емких берегов).

2. Формирование точечного, внутренне ограниченного пространства, лирический субъект и субъекты действия – реальные лица/предметы, заполняющие замкнутые пространства разных типов; наречия определяют положение лирического субъекта относительно частей пространства, предметных заполнителей и внешнего пространства. Рассматриваемые наречия указывают на положение субъекта:

– относительно различных частей дома: *А в сенях, поди, не жарко: / Там, поднявши воротник, / У плывущего огарка / Счеты сводит гробовщик* (Трактир жизни);

– относительно замкнутого пространства: *Два дня здесь шепчут: прям и нем / Все тот же гость в дому, / И вянут космы хризантем / В душливом дыму <...> Здесь молит и поет / И с поясным поклоном Страх / Нам свечи раздаёт* (Перед панихидой); *Время погасит звезду, / Пытку ж и так одолеет... / Если я в церковь иду, / Там становлюсь с фарисеем* (В небе ли меркнет звезда...);

– относительно предметных заполнителей: *В постель скорее!.. Там теплей, / А ты, волшебница, налей / Мне капель чуткого забвенья* (Падение лилий).

Рассмотрим стихотворение «С кровати»: *Просвет зелено-золотистый / С кусочком голубых небес – / Весь полный утра, весь душистый, / Мой сад – с подушки – точно лес. / И ароматы... и движенье, / И шум, и блеск, и красота – / Зеленый бал – воображенья / Едва рожденная мечта... /*

Я и не знал, что нынче снова / Там, за окном, веселый пир. / Ну, солнце, угощай больного, / Как напоило целый мир. Пространственная структура имеет следующий вид: точечное пространство (кровать) – пространство перехода/границы (окно) – реальное открытое пространство (сад) – космическое пространство (небо, солнце). Наречие «там» в этом тексте маркирует пространство желательное (веселый пир), обозримое, но недостижимое для полноценного восприятия в силу болезненного состояния субъекта; в этом случае окно становится не просто границей, а своеобразным порталом во внешний мир, приближающим его к субъекту и позволяющим воспринимать различными органами чувств (душистый, шум, блеск).

Подобный образ возникает и в стихотворении «В открытые окна», пространственная структура представляет триаду: точечное пространство – окно – космическое пространство (*И в нарастающей тени / Через отворенные окна, / Как жерла, светятся одни, / Свиваясь, рыжие волокна / Не скуки ль там Циклоп залег, / От золотого зноя хмелен, / Что, розовея, уголек / В закрытый глаз его нацелен?*).

3. Создание фантастического пространства, лирический субъект – реальное лицо, субъекты действия – фантастические персонажи, абстрактные лица, олицетворенные предметы; все физические характеристики изменены и непостоянны; герой свободно перемещается в пространстве; оценивается степень близости говорящего к происходящему, его погруженность в действие. Фантастическое пространство представляется воображаемым, отдаленным, находящимся за пределами непосредственного восприятия, поэтому маркируется преимущественно наречием там; этот тип пространства представлен несколькими устойчивыми разновидностями пространства:

– пространство сна/бредя: *А к утру кто-то там, развевая молча сны, / Напомнил шепотом, что мы осуждены...* (Осень); *Откинув докучную маску, / Не чувствуя уз бытия, / В какую волшебную сказку / Вольется свободное я! / Там все, что на сердце годами / Пугливо таил я от всех, / Рассыплется ярко звездами, / Прорвется, как дерзостный смех... / Там в дымных топазах запястий / Так тихо мне Ночь говорит; / Нездешней мучительной страсти / Огнем она черным горит...* (Который?); пространство сна также представлено в стихотворении «Тоска маятника», описывающее бессонницу, при которой звук и движение часового маятника вызывают мучительное состояние, а сам маятник уподобляется живому существу, отметим, что в этом контексте сон представлен как естественное состояние (с трудом достигнутое), тогда как реальность предстает отдаленной: *Ходит-машет, а для такта / И уравнивая шаг, / С злобным рвением «так-то, так-то» / Повторяет маниак... / Все потухло. Большие в яме / Не видать и не слышать... / Только кто же там махать*

/ Продолжает рукавами? / Нет! Довольно... хоть едва, / Хоть тоскливо даль белеет / И на плече голова / Не без сладости хмелеет.

Обратимся к стихотворению, в котором в сильную позицию текста – заголовок вынесено наречие «Там»: *Ровно в полночь гонг унылый / Свел их тени в темном зале, / Где белел Эрот бескрылый / Меж искусственных азалий. / Там, качаясь, лампы / Пламя трепетное лили, / Душиным ладаном услады / Там кадили чаши лилий. / Тварь единая живая / Там тянула в брашну жало, / Там отравы огневая / В кубки медные бежала. / На оскала смех застылый / Тени ночи напознали, / Бесконечный и унылый / Длился ужин в черной зале.* Пространство «Там» может относиться к трудно постижимому фантастическому, так как субъектом разворачивающегося действия становятся тени в черной зале – мистические образы в таинственное время суток, характеризующееся маргинальностью (*ровно в полночь* – время соединения двух миров, в которое герой и наблюдает за «тем миром, миром теней»). Там также присутствует «Эрот бескрылый» – ангел, лишенный возможности летать, но в то же время олицетворение Любви → падшая любовь; а «искусственные азалии» странно сочетаются с «чашами лилий», которые издают запах. Противоречивость данного текста заключается в том, что лирический герой отдаляет себя от описываемого пространства (см. лексему «там»), но вся ткань повествования показывает, что герой непосредственно включен в действие: он слышит запахи, ощущает температуры, слышит звуки и представляет окружающее пространство не панорамно, а фрагментарно, есть точка зрения внутри этого, казалось бы, фантастического пространства; оценка данного локуса в контексте явно отрицательна (*бесконечный и унылый длился ужин*).

Образ тени – один из частотных для поэзии И. Анненского, один из маркеров фантастического пространства, сосуществующего рядом с нашим миром: *Не мерещится ль вам иногда, / Когда сумерки ходят по дому, / Тут же возле иная среда, / Где живем мы совсем по-другому? / С тенью тень там так мягко слилась, / Там бывает такая минута, / Что лучами незримыми глаз / Мы уходим друг в друга как будто* (Свечку внесли).

В стихотворении «Квадратные окошки» представлен диалог, происходящий в фантастическом пространстве, его участники – лирический субъект и луна: – «А знаешь ли, что тут она?» / – «Возможно ль, столько лет?» / – «Гляди – фатой окутана... / Узнал ты узкий след? / Так страстно не разгадана, / В чадре живой, как дым, / Она на волнах ладана / Над куколом твоим». Луна находится за окошком, в явном отдалении, но именно она «говорит» первую реплику в контексте, она обозначает местонахождение возлюбленной героя где-то в ночном небе, поблизости от луны (*тут*). Но из дальнейших реплик выходит, что она рядом с героем, так как он может на нее посмотреть, раз-

глядеть и находится она «под куколом твоим». Таким образом, происходит сближение героя и небесного светила на пространственном уровне. Здесь уместно вспомнить о романтической природе поэзии И. Анненского и о том, что мотив призрачности и единения с ночной природой является одним из основных у романтиков;

– пространство загробной жизни / рая: *Оставь меня. Мне ложе стелет Скука. / Зачем мне рай, которым грезят все? / А если грязь и низость – только мука / По где-то там сияющей красе... (О нет, не стан); В синюю пустынь небес / Звоны уходят молиться...<...> Что он сулит, этот зов? / Или и мы там застынем, / Как жемчуга островов / Стынут по заводям синим? (Закатный звон в поле); Я знаю, что сон я лелею, / Но верен хоть снам я, – а ты? / Ненужною жертвой в аллею / Падут, умирая, листья... / Судьба нас сводила слепая: / Бог знает, мы свидимся ль там... / Но знаешь?.. Не смейся, ступая / Весною по мертвым листьям!* (Осенний романс).

В стихотворении «На пороге» мир реальный и нереальный представлены в варианте до-жизнь / жизнь / после-жизни: *Дыханье дав моим устам, / Она на факел мой дохнула, / И целый мир на Здесь и Там / В тот миг безумья разомкнула.* Наречия в этом тексте получают графическое выделение и не несут анафорической функции, они самостоятельно создают два пространства, для которых прежде всего важны их раздаленность и отдаленность, а не физические характеристики или денотативная представленность, происходит актуализация оппозитивности этих понятий, показанных как две взаимоисключающие характеристики мира (подобно Добро – Зло), составляющие вместе его единство (*целый мир... разомкнула*). Аналогичное пространство параллельного существования представлено в тексте «Гармония»: *Я жадно здесь, покуда небо знойно / Остаток дней туманных берегу. / А где-то там мятутся средь огня / Такие ж я, без счета и названья, / И чье-то молодое за меня / Кончается в тоске существованье...*

Еще одним вариантом графического выделения лексемы является курсив, как в стихотворении «Струя резеды в темном вагоне»: *Так беззвучна, черна и тепла / Резедой напоенная мгла... / В голубых фонарях, / Меж листов на ветвях, / Без числа / Восковые сиянья плывут, / И в саду, / Как в бреду, / Хризантемы цветут... / Все, что можешь ты там* [в тексте курсивное выделение. – М. Д.], все ты смеешь теперь, / Ни мольбам, ни упрекам не верь! При курсивном написании на лексеме акцентируется внимание, на ней делается интонационное ударение, что компенсирует отсутствие пространства, к которому должно отсылать наречие. Далее: *Пока свечи плывут / И левкои живут, / Пока дышит во сне резеда – / Здесь ни мук, ни греха, ни стыда...* И тогда выстраивается четкое противопоставление, вербализованное в рамках текста: *здесь / там*. За этой оппозицией стоит оппозиция

земная жизнь / загробная жизнь. Оценка земной жизни однозначно отрицательная (муки, грех, стыд). Но эти два мира настойчиво сближаются: так, «все, что можешь ты там, все ты смеешь теперь» (здесь и сейчас); также «здесь ни мук, ни греха, ни стыда...» – почти рай (насколько его можно вычленишь относительно и в противовес аду).

В стихотворении «На северном берегу» аналогичным образом выделено наречие: *И грустно мне, не потому, что беден / Наш пыльный сад, что выжжены листья, / Что вечер здесь так утомленно бледен, / Так мертвы безуханные цветы. / А потому, что море плещет с шумом, / И синевой бездонны небеса, / Что будет там* [в тексте курсивное выделение. – М. Д.] *моим закатным думам / Невмоготу их властная краса...* Мир «там» соотносится с небесным пространством, что соответствует христианским представлениям о местоположении рая; однако эта красота представляется лирическому субъекту невыносимой (*невмоготу*), такое мучительное двоемирие соответствует романтической традиции поиска лучшего мира и разочарования в нем.

«Здесь», понимаемое как пространство жизни, встречается также в стихотворении «Стальная цикада»: *Столько сказать им надо, / Так далеко уйти... / Розно, увь! цикада, / Наши лежат пути. / Здесь мы с тобой лишь чудо, / Жить нам с тобой теперь / Только минуту – покуда / Не распахнулась дверь...*; перед наречием нет пространственной модели, на которую оно могло бы указывать, поскольку далее в строке идет лексема «жить», «здесь» с ней соотносится, актуализируя концептуальные сферы и приобретая конкретизированное значение «к земной жизни».

4. Формирование психологического пространства, лирический субъект – реальный участник действия, субъекты действия погружены в его разум и порождены им; наречие выполняет функцию указания на ситуацию, объединяя пространственную и временную модель:

– пространство воспоминания представлено значительным количеством контекстов, в которых прошлое предстает как светлое время, наполненное положительными эмоциями, к сожалению, утраченными: *А сколько было там развеяно души / Среди рассеянных, мятых и бесслезных! / Что звуков пролито, взлелеянных в тиши, / Сиреневых и ласковых и звездных!* (После концерта); *А сад заглох... и дверь туда забита... / И снег идет... и черный силуэт / Захолодел на зеркале гранита* (Черный силуэт). Особое место занимает стихотворение, посвященное Л.И. Микулич, представляющее ностальгический образ Царского села, текст наполнен деталями как внутреннего (Лицея), так внешнего пространства (сад), но все это утрачено: *Там на портретах строги лица, / И тонок там туман седой, / Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой. / Там нимфа с таицкой водой, / Водой, которой не разлиться, / Там стала*

лебедом Фелица / И бронзой Пушкин молодой. / Там воды зыблются светло, / И гордо царствуют березы, / Там были розы, были розы, / Пускай в поток их унесло. / Там все, что навсегда ушло, / Чтоб навевать сиреням грезы. / Скажите: «Царское Село», – / И улыбнемся мы сквозь слезы.

Пространство воспоминания часто предстает как псевдореальность (маркируемая частицей *ли*), лирический субъект не уверен в реальности произошедшего, в этом случае воспоминания и мечта сливаются в единое пространство, представленное в модальности сомнения: *Сливались ли это тени, / Только тени в лунной ночи мая? / Это блики, или цветы сирени / Там белели, на колени / Ниспадающая? / Наяву ль и тебя ль безумно / И безумно / Я любил в томных тенях мая?* (Трагумереи);

– пространство мечты/желания: *Как часто сумрак я зову, / Холодный сумрак аметистов. / И чтоб не знойные лучи / Сжигали грани аметиста, / А лишь мерцание свечи / Лилось там жидко и огнисто. / И, лилового и дробясь, / Чтоб уверяло там сиянье, / Что где-то есть не наша связь, / А лучезарное сиянье...* (Аметисты); *С немого поля, / Где без ненастья, / Дрожжа, повисли / Тоски туманы, – / Туда, где воля, / Туда, где счастье, / Туда, где мысли / Простор желанный!* (Рождение и смерть поэта); *Ты придешь, коль верна мечтам, / Только та ли ты? / Знаю: сад там, сирени там / Солнцем залиты* (Лишь тому, чем покой таим);

– пространство воображения, связанное с музыкальными образами: *Есть книга чудная, где каждую страницей / Галлюцинации таинственно свиты: / Там полон старый сад луной и небылицей, / Там клен бумажные заворожил листья, / Там в очертаниях тревожной пустоты, / Упившись чарами луны зеленолицей, / Менады белою мятутся вереницей, / И десять реет их по клавишам мечты* (Первый фортепьянный концерт);

– воображаемые миры текста: *О, свиток печальный! / Безумные строки, / Как гость на пиру / В небрачной одежде, / Читаю и плачу... / Там ночи туманной / Холодные звезды, / Там вещею сердца / Трехдневные муки, / Там в тяжком бреду / Томительный призрак / Свой черный вуаль, / Вуаль донны Анны, / К его изголовью / Склоняя, смеется...* (Рождение и смерть поэта); *Все живые так стали далеки, / Все небытие стало так внятно, / И слились позабытые строки / До зари в мутно-черные пятна. / Весь я там в невозможном отсвете, / Где миражные буквы маячут...* (Тоска припоминания); *И, вещих снов иероглифы раскрыв, / Узорную пишу я четко фразу. / Фигурно там отобразился страх, / И как тоска бумагу сердца мяла, / Но по строкам, как призрак на пирах, / Тень движется так деланно и вяло. / <...> Ты весь – огонь. И за костром ты чист. / Испепелишь, но не оставишь пятен, / И бог ты там, где я лишь моралист, / Ненужный гость, неловок и невнятен* (Другому);

– пространство мыслительного процесса: *Я хотел бы отравой стихов / Одурманить неснос-*

ные мысли. / Я хотел бы распутать узлы... / Неужели там только ошибки? (Мухи как мысли);

– пространство временного отрезка как вместилища эмоций: *Сейчас наступит ночь. Так черны облака...* / Мне жаль последнего вечернего мгновенья: / Там все, что прожито, – желание и тоска, / Там все, что близится, – унылость и забвенье. / Здесь вечер как мечта: и робок и летуч, / Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов, / И где разорвано и слито столько туч... / Он как-то ближе розовых закатов (Тоска мимолетности); наречие там отсылает в рамках контекста к словосочетанию *последнее вечернее мгновенье*, которое является концентрирующим началом эмоций героя, свое прошлое и будущее лирический субъект меряет эмоциональными состояниями, а не событиями.

Таким образом, анализ показал, что местоименные наречия, входящие в САК «Здесь – Там» в поэзии И. Анненского, играют значительную роль в формировании пространственного фрагмента индивидуально-авторской картины мира; они активно формируют реальное (по горизонтальной и вертикальной оси), точечное (с доминирующим образом комнаты и окном как пространством перехода), фантастическое (с доминирующими пространствами сна и загробной жизни) и психологическое (с доминирующим пространством воспоминания) пространство, указывают на их

соотнесенность и пространственную ориентацию субъекта.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. Предисловие // *Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов*: / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2021. – С. 10–11.

2. Бабенко, Л.Г. *Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов* / Л.Г. Бабенко. – М.; Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2004. – С. 171–177.

3. Гак, В.Г. *Языковые преобразования* / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 127.

4. Кубрякова, Е.С. *Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово)* / Е.С. Кубрякова // *Категоризация мира: пространство и время*. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 5.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»).

Дудорова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), primrose81@yandex.ru

Поступила в редакцию 28 января 2021 г.

DOI: 10.14529/ling210202

THE OPPOSITION "HERE – THERE" IN THE POETRY OF I. ANNENSKY

M.V. Dudorova, primrose81@yandex.ru

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

The article reviews the functioning of the pronominal adverbs of synonymic-antonymic complex (SAC) 'here – there' in Annensky's poetry. The article reveals the textual functions of pronouns that form different types of the artistic space, their correlation with textual time coordinates, and regular models of space with reference to the deictic adverbs. The analysis showed that pronominal adverbs included into SAC 'here – there' in Annensky's poetry play a significant role in formation of the individual author's worldview fragment. These adverbs actively form real space (on horizontal and vertical axes), point space (with the dominant image of the room and the window as transition space), fantastic space (with the dominant spaces of the night dream and the afterlife), and psychological space (with the dominant space of memories). The adverbs reveal their relatedness and the subject's spacial orientation.

Keywords: opposite meanings, textual linguistics, poetic text, I. Annensky, pronominal adverbs.

References

1. Babenko L.G. Predislovie [Preface]. *Bol'shoj tolkovyj ideograficheskij slovar' sinonimiko-antonimicheskikh kompleksov*: Ed. prof. L. G. Babenko [Big Explanatory Ideographic Slogan-menonymic-antonymic Complexes: materials of the dictionary]. Ekaterinburg; Moscow: Armchair Scientist, 2021, pp. 10–11.
2. Babenko L.G. *Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza: uchebnik dlja vuzov* [Philological Analysis of the Text. Fundamentals of Theory, Principles and Aspects of Analysis: a Textbook for Universities]. Moscow; Yekaterinburg: Academic project; Business book, 2004, pp. 171–177.
3. Gak V.G. *Jazykovye preobrazovanija* [Language transformations]. Moscow, Languages of Russian Culture, 1998. P. 127.
4. Kubryakova E.S. Kategorizacija mira: prostranstvo i vremja (vstupitel'noe slovo) [Categorization of the World: Space and Time (introductory word)]. *Kategorizacija mira: prostranstvo i vremja* [Categorization of the world: space and time]. Moscow, Dialogue-MGU Publ., 1997. P. 5.

Mariia V. Dudorova, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Science, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), primrose81@yandex.ru

Received 28 January 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дудорова, М.В. Оппозиция «Здесь – Там» в поэзии И. Анненского / М.В. Дудорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 11–17. DOI: 10.14529/ling210202

FOR CITATION

Dudorova M.V. The Opposition “Here – There” in the Poetry of I. Annensky. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021, vol. 18, no. 2, pp. 11–17. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling210202